

ВІД РЕДКОЛЕГІЇ

Історична громадськість зазнала непоправної втрати – передчасно пішов із життя один із засновників аграрного напрямку, селянознавства історичної науки **Віктор Петрович Данилов** (04.03.1925 – 16.04.2004). Людина з великої літери, справжній фахівець і патріот. Своє життя, наукову спадщину він присвятив вивченню історії селянства, яке він розумів не як «неосвіченого, темного мужика», а як «розумного консерватора, який має все ґрунтовно обміркувати перш ніж зважитися на певний крок».

Наукове товариство істориків-аграрників, Науково-дослідний інститут селянства, вся наукова громадськість Черкащини висловлюють щирі співчуття рідним і близьким Віктора Петровича. Його життєвий шлях був тісно пов'язаний із Черкасами. У буремні роки Великої Вітчизняної війни, тоді ще молодий лейтенант Віктор Данилов брав участь у боях за визволення України, зокрема і Черкаської області.

Редакційна колегія «Українського селянина» пропонує увазі читачів останню статтю метра вітчизняної історичної науки «Сталинизм и советское общество», що вийшла друком у другому числі за цей рік журналу «Вопросы истории».

В. П. Данилов

СТАЛИНИЗМ И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

В

последнее время в общественном сознании многих россиян проявилась тенденция к оправданию и даже прославлению сталинизма. Она вызвана ответной реакцией на разрушительный характер постсоветских реформ. И.В. Сталина снова

приписываются достижения советского общества, связанные с индустриализацией страны, с развитием науки и культуры, с социальной защитой населения (всеобщая занятость, бесплатное образование и здравоохранение, практически бесплатное жилье, месячные отпуска и т.п.), не говоря уже о победе в Великой Отечественной войне.

В действительности — и это убедительно доказывают факты — все достижения советского общества явились следствием мощного социалистического импульса, полученного в результате революции и на многие годы определившего направление и содержание экономического и культурного строительства, получившего характер народного подвига. Индустриализация страны, всеобщее образование и бесплатное здравоохранение, мощный подъем науки и культуры, другие достижения советского времени были не только заложены в идеях, но и реализованы в практике уже первых лет советской власти. Они стали реальностью не благодаря сталинизму, а вопреки препятствиям и потерям, вызванным сталинизмом. Более того, происшедшее на наших глазах крушение советского строя явилось непосредственным следствием сталинизма.

Можно по-разному относиться к социалистической устремленности советского общества, считать это утопией, социальной мифологией или тоталитарной идеологией. Но фактом является то, что эта устремленность стала реальной и мощной силой социально-экономического и культурного развития общества, обусловила торжество принципов социальной справедливости, победу над фашистской Германией. Противостоявшие сталинизму варианты социально-экономических преобразований, связанные с именами А.И. Рыкова и Н.И. Бухарина, большое число других альтернативных решений (например, проекты первого пятилетнего плана, планы кооперирования крестьянских хозяйств и др.), в первую очередь обеспечивали более успешное продвижение вперед и, что особенно важно, без тех неисчислимых человеческих и материальных потерь, которые понесло советское общество.

Решающим фактором сталинских «успехов» в ликвидации оппозиций, а тем самым и становления сталинизма явилось введение им полного контроля над партийно-государственным аппаратом. Эта сфера деятельности была чужда партийным лидерам, поглощенным проблемами нэпа, перспективами социализма в России. Генсек же практически сразу занялся управленческим аппаратом. Уже в 1922 г. начал действовать Учетно-распределительный отдел ЦК РКП(б), а в 1923 г. на XII съезде партии Сталин выступил с политической программой формирования нового аппарата. В Организационном отчете ЦК говорилось: «После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы... Вот почему учраспред... приобретает громадное значение» [1, 210-211].

Учет и распределение кадров по-сталински означали постоянное перетряхивание и замену аппарата управления, созданного в ходе революции из ее непосредственных участников и выдвинутых самими революционными событиями. Уже в силу этого они были достаточно самостоятельными. Теперь же началось формирование аппарата управления из назначенцев, умеющих принимать директивы сверху «как свои родные и... проводить их в жизнь» [1, 210]. Явления бюрократизма в партийно-государственном управлении, отмечавшиеся и ранее, охватили, в сущности, весь исполнительный аппарат, который представлял собой основу «необъятной власти» генсека.

Овладение аппаратом управления генсек, оказавшийся верховным правителем, начал сверху, спускаясь все ниже, от этажа к этажу этой пирамиды. Однако верхние звенья управления, включая, например, ОГПУ, были освоены Сталиным очень быстро и раньше других. Приведем весьма характерный, о многом говорящий эпизод. В марте 1923 г. в прессе появились официальные сообщения о болезни В.И. Ленина. Естественно, что среди населения страны появились слухи о его возможных преемниках. Как сообщалось в спецсводке ОГПУ от 24 марта 1923 г., чаще всего в этом качестве назывались Л.Д. Троцкий, а также Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин и даже Ф.Э. Дзержинский [2, 86]. Но никем не называлось имя Сталина. В обществе он был неизвестен, во всяком случае он не входил в когорту вождей революции. Неприятная для Сталина информация не осталась безответной. Осенью того же 1923 г. в одной из спецсводок ОГПУ сообщалось о том, что «Бухарин, Зиновьев и Троцкий во время своего пребывания в Карачаеве подпали под контрреволюционное влияние» [2, 148]; в тех же сводках за 1927 г. появились сообщения о кулацких высказываниях типа «Троцкий — наш вождь», а в 1929 г. — о «контрреволюционной деревне», организуемой под «флагом правых» (Бухарина и Рыкова) [2, 601, 611, 618, 707].

Такого рода «компроматы», выражаясь современным языком, готовили аппарат к расправе с очередной оппозицией. В июне 1927 г. Сталин требовал вывода из состава ЦК ВКП(б)

Троцкого, Каменева и Зиновьева, ссылаясь на осложнение отношений Советского Союза с Англией и якобы возникшую военную угрозу: «Нельзя укреплять тыл, поощряя гнусную роль дезорганизаторов (?) центра страны» [2, 25]. Это о Троцком, сыгравшем выдающуюся роль в организации победы красных над белыми и над интервентами!

«Революция сверху», начавшаяся с исключения из партии Троцкого, Зиновьева, Каменева и их сторонников в конце 1927 г., означала переход к собственно сталинской политике и идеологии. Получив, наконец, большинство в политическом руководстве, сталинская группа сразу же отбросила те идеи и принципы, которые ею же провозглашались до этого, пошла на слом нэпа и применение прямого насилия над крестьянством — на то, что получило наименование «чрезвычайщины». Бухарин, Рыков и их единомышленники, оказавшие сопротивление этой политике, к концу 1929 г. были отстранены от участия в политическом руководстве, что означало концентрацию всей власти в руках Сталина и переход к волюнтаристской политике, не стесняемой более никакими теоретическими и практическими соображениями.

Не случайно, что всегда использовавшиеся Сталиным дезинформация и прямая лож с осени 1927 г. становятся главным аргументом борьбы за власть и «обоснованием» общей партийно-государственной политики. В современной литературе убедительно показано, как происходил разгром советской статистики в декабре 1925 г., обвиненной в преуменьшении производства хлеба в крестьянских хозяйствах, а следовательно, возможностей государственных заготовок и экспорта и тем самым финансирования промышленного роста. 10 декабря 1925 г. на политбюро ЦК РКП(б) осуждалась деятельность П.И. Попова — крупного земского статистика, возглавлявшего ЦСУ с 1918 года. В прямом споре со Сталиным он доказывал обоснованность невысоких показателей хлебного производства и отказался признать наличие огромных запасов хлеба в деревне. В тот же день Попов был отстранен от руководства ЦСУ [3, 17-18]. С этого момента деятельность ЦСУ была откровенно подчинена интересам политики и партийное руководство получало удобные ему показатели. В результате резко возросли оценки ежегодного производства зерна (в среднем на 10-20%) и «невидимых хлебных запасов» у крестьян, что должно было послужить обоснованием применения «чрезвычайных мер» во время хлебозаготовок.

Миф о хлебном изобилии, созданный явно сфальсифицированными статистикой данными, имел целью убедить правящие верхи в возможности получения такого количества зерна, которое обеспечивало бы решение проблемы средств для ускорения индустриализации. Одновременно сталинское руководство пыталось убедить партийно-государственные верхи в необходимости реализовать эти возможности и

любими средствами отобрать у крестьян хлеб в объеме, достаточном для решения «очередных задач» советской власти. Испытанным аргументом в подобных ситуациях всюду и всегда выступала внешняя опасность, связанная с прямой угрозой войны. В 1927 г. этот аргумент был использован сверх всякой меры для обоснования «чрезвычайных» мер и сосредоточения власти в сталинских руках.

Выжимание из крестьян «дани» стало сердцевиной политики в деревне на протяжении всей сталинской эпохи. Социальное содержание этой политики в свое время раскрыл Бухарин, определив ее как политику «военно-феодалной эксплуатации крестьянства» [4, 744, 746, 806-807]. Второе идеологическое «открытие» Сталина того времени состояло в утверждении о том, что по мере продвижения к социализму происходит все большее обострение классовой борьбы. К каким на самом деле последствиям вела политика обострения классовой борьбы, хорошо показал все тот же Бухарин: «У самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костьми» [5, 264]. Предвидение Бухарина, к сожалению, сбылось: сталинская «революция сверху» сопровождалась и фактической гражданской войной против крестьянства, и голодом, унесшим жизни миллионов людей.

Наращение государственного насилия привело к усилению роли карательных органов и их самостоятельности. Партийная директива ОГПУ и НКЮстам (то есть народным комиссариатам юстиции союзных республик) от 3 октября 1929 г. предписывала «принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и другие контрреволюционные выступления», осуществляя эти меры, «когда требуются особая быстрота... через ГПУ», то есть во внесудебном порядке. По предварительным (не исчерпывающим) данным, уже к 24 октября 1929 г. органами ОГПУ (кроме органов Наркомата юстиции) в связи с хлебозаготовками было арестовано на селе 17 904 человека, а к концу 1929 г. — 49 068 человек. Общее число арестованных сельских жителей за 1929 г. составило 95 208 человек (с учетом арестов на почве религиозного сопротивления, коллективизации и т.п.) [2, 1017, 1038]. Это было лишь началом систематических арестов в деревне. Директива от 3 октября 1929 г. послужила одновременно и сигналом, означавшим, что и в будущем планируются такие же действия в деревне со стороны сталинского руководства.

Исследования политики раскулачивания и депортации бывших кулаков в отдаленные районы страны велись в советское время под углом зрения коллективизации крестьянских хозяйств; все это рассматривалось как слагаемые единого процесса преобразования деревни, прежде всего как средство преодоления крестьянского сопротивления. Разумеется, это являлось одной из главных функций раскулачивания. Однако не менее важной

задачей раскулачивания было формирование армии принудительного труда, то есть армии дешевой рабочей силы, необходимой для промышленных строек, лесозаготовительных работ, освоения необжитых районов и т.п. Прокурор РСФСР Н.В. Крыленко в статье, опубликованной в «Правде» 17 марта 1930 г., сообщал: «На основании резолюции СНК РСФСР 29 мая 1929 г. сейчас не практикуется уже лишение свободы на срок меньше года. Предложено в максимальной степени развить систему принудительных работ. Проведен ряд мероприятий по использованию труда лиц, осужденных на срок свыше 3 лет, на общественно необходимых работах в специальных лагерях в отдаленных местностях».

28 мая 1929 г. съезд советов СССР утвердил I пятилетний план развития народного хозяйства, ориентированный на ускоренную индустриализацию страны, а буквально на следующий день, 29 мая, сталинское руководство приняло решение «в максимальной степени развить систему принудительных работ». Тем самым был фактически перечеркнут только что принятый пятилетний план, который формально сохранял и рыночные основы экономики, и систему мелкого крестьянского хозяйства. Решения 29 мая 1929 г. создали систему ГУЛАГа, а с 1930 г. и спецпоселений для семей раскулаченных. Основную массу населения этих мест составляли крестьяне.

«Великий перелом», о котором Сталин объявил в ноябре 1929 г., не имел ничего общего с подлинным социально-экономическим развитием: не было ни огромного роста производительности труда в промышленности, ни массового колхозного движения. Применительно к тому времени можно говорить о «великом переломе» лишь в том смысле, что Сталину впервые удалось навязать партии и стране свои взгляды, оценки, методы и в целом политику диктаторского волюнтаризма, которая с неизбежностью вела к огромным человеческим и материальным потерям. Колоссальный ущерб и прямые бедствия принес сталинский волюнтаризм в связи с пересмотром заданий I пятилетнего плана (1928/29—1932/33 гг.). В том виде, как он был принят и стал государственным законом в мае 1929 г., этот план намечал действительно огромный шаг по пути индустриализации страны и кооперирования сельского хозяйства. Достаточно сказать, что валовая продукция крупной промышленности должна была возрасти в 2,8 раза, а продукция отраслей, производящих средства производства, — в 3,3 раза. Выплавку чугуна планировалось увеличить с 3,3 млн т в 1928 г. (77,8% к уровню 1913 г.) до 10 млн т в 1933-м. Это задание («оптимальный вариант») считалось очень трудным, но исполнимым. «Отправным вариантом» плана, который отстаивали Бухарин и Рыков, на последний год пятилетки намечалась выплавка 8 млн т чугуна.

Согласно «оптимальному варианту», преобразование деревни становилось непосредственной задачей, темпы его определялись представлениями о возможностях

технической реконструкции и обеспечения других предпосылок для коллективизации (к концу 1933 г. объединить в колхозы 18—20% крестьянских хозяйств). Ставилась задача за пятилетку приобщить к различным формам кооперации 85% крестьянских хозяйств,

«Оптимальный вариант» I пятилетнего плана в действительности являлся максимальным, а любая попытка дальнейшего наращивания заданий могла привести только к перенапряжению сил народа, к материальным и человеческим жертвам, а в конечном счете—к срыву плана, как и случилось на деле. Форсирование сплошной коллективизации, доходившее до требований провести ее в зерновых регионах, по сталинским директивам, за год-полтора и даже, как требовал В.М. Молотов, «в течение весенней посевной кампании 1930 г.», означало отказ от основных принципов кооперативного плана. Широкое использование принуждения, раскулачивание (местами в кулаки зачисляли до 15% крестьянских хозяйств) причинило ущерб, не поддающийся измерению. За 1929—1932 гг. оказалась истребленной половина поголовья скота.

Безмерное форсирование имело место и в промышленности. Установленное в апреле 1929 г. задание на пятилетку довести выплавку чугуна до 10 млн т показалось сталинскому руководству недостаточным. В январе 1930 г. это задание— «важнейшая народнохозяйственная задача»— было увеличено до 17 млн тонн! Сталинский «большой скачок» в металлургии (как и в ряде других отраслей индустрии) дезорганизовал промышленное строительство, крайне осложнил общую экономическую ситуацию и привел к напрасной растрате материальных и человеческих сил. Установленное задание оказалось невыполнимым: в последний год пятилетки страна не получила не только 10, но и 8 млн т чугуна — уровень, который считал вполне достижимым «постепеновец» В.Г. Громан (возглавлявший разработку «отправного варианта» плана пятилетки и объявленный «вредителем» за проявленную осторожность). В 1932 г. в стране было выплавлено 6,2 млн т чугуна. Волонтеристское задание не удалось выполнить и в 1940-м, когда выплавка чугуна в стране достигла 14,9 млн тонн.

При оценке подобных методов планирования нет никакой возможности ссылаться на отсутствие у руководителей страны опыта, на «неизведанность путей» и т.п. Что означало «дополнительное» увеличение задания на 7 млн т за три года? Чтобы его исполнить, потребовалось бы начать заново, полностью завершить строительство и пустить в ход семь (!) Кузнецких или Запорожских металлургических заводов с проектной мощностью в миллион тонн чугуна каждый или три Магнитогорских комбината с проектной мощностью 2,5 млн тонн. Между тем в начале 1930 г. даже ход строительства Кузнецкого, Запорожского и Магнитогорского заводов говорил со всей определенностью, что для их пуска потребуются времени и сил гораздо больше. На Магнитке и в Кузнецке в 1932 г. произвели лишь первые плавки на первых домнах, а до «большого

чугуна» им требовались еще годы работы. Проектной мощности эти комбинаты достигли лишь в 1934—1936 годах [6, 31-34]. Действительным символом первой пятилетки стал не «большой чугун» (вообще не готовая продукция), а «котлован». Платоновский образ того времени был не художественным вымыслом, а «всего-навсего» фиксацией зримой действительности.

Другой результат сталинского выполнения «пятилетки в четыре года» — голод 1932/1933 г. в сельских местностях Украины, Северного Кавказа и Дона, Нижней и Средней Волги, Южного Урала и Казахстана. И этот результат нельзя считать непредвиденным. С 1928 г. хлебозаготовки неизменно проводились в «чрезвычайном» режиме и каждый следующий год был шагом на пути к массовому, губительному голоду: признаки его появились весной 1930 г., трагедия голода стала фактом для сельского населения целых районов зимой 1931/1932 года. Однако любые предупреждения и донесения отвергались сталинским руководством как паникерские или враждебные.

Сталинская «революция сверху» 1927—1929 гг. отдала страну во власть авторитарного, жестко централизованного режима, существование которого обеспечивалось беспощадностью и массовостью репрессий. Командно-репрессивное управление утвердилось как в самой Коммунистической партии, так и в системе советов; власть генерального секретаря практически сделала прозрачной всю систему политических организаций, лишившихся какой бы то ни было инициативы и самостоятельности, способности занять самостоятельную позицию, противостоять разрушительным тенденциям, исходившим от высших звеньев управления, особенно от генсека. Признание генсека «вождем» и тем самым единственным источником новой мысли и воли, неукоснительная и беспощадная расправа с любым инакомыслием как ревизионизмом превратились в основной закон формирования, функционирования и самосохранения правящего класса. Эта особенность политической системы сыграла роковую роль и в сталинской «революции сверху» 1927—1929 гг. и в последующих за ней массовых репрессиях, и в падении советского общества на рубеже 80—90-х годов. Сталинская организация партийно-государственного управления всюду создавала кризисные ситуации; «чрезвычайщина» от одного «кризиса» перетекала к другому, никогда не прерываясь и требуя расправ с «врагами народа», используемых для «подстегивания» масс.

С самого начала сталинская диктатура основывалась на терроре, направленном главным образом против деревни, где проживала основная масса населения, чтобы превратить ее, по выражению некоторых философов, в «человеческий материал» для постройки будущего общества согласно представлениям вождя. Удары направлялись также против той части большевистской партии, которая еще не принимала сталинского руководства,—против «левых» и «правых» уклонистов, переведенных

затем в разряд «врагов народа». Программа репрессий изложена уже в сталинском письме В.Р. Менжинскому от 26 июня 1927 г., где названы и «повальные аресты», и «показательные процессы», и «публикации показаний» арестованных и уже расстрелянных, «если обставить ее [публикацию] умело»... [3, 24].

Первая «массовая операция» началась в июне 1927 г. с расстрела 20 бывших монархистов и ареста 9 тыс. крестьян. Но дальнейшее исполнение намеченной Сталиным программы натолкнулось на сопротивление части партийно-советского руководства, «не вычищенного» еще от будущих «врагов народа». Программу удалось реализовать в 1937—1938 гг. — на апогее «большого террора», когда по официальной статистике НКВД было арестовано 1 565 041 человек, в том числе крестьян — 787 397 человек. Расстреляно 668 305 человек, в том числе крестьян (их арестовывали и расстреливали руководствуясь приказом № 00447) -386 798 [7, 103-104].

В литературе последнего времени появилась тенденция объяснять массовость террора и потрясающее число расстрелов произволом местных властей. Произвол на местах действительно имел место, но ни в какой мере он не снижает роли и ответственности сталинского руководства, которое знало обо всем и выступило с осуждением местного произвола лишь тогда, когда местные организации отказались выполнять директивы сверху о еще больших репрессиях, как, например, в условиях голодного 1933 года. Известны факты сталинской расправы с руководителями учреждений, пытавшихся ограничить вывоз раскулаченных семей в нежилые места возможностями организации спецпоселений и тем самым не допустить вымирания спецпоселенцев, особенно детей и стариков, от голода и отсутствия жилья, одежды и обуви [8, 117-128].

Как современник военных и послевоенных лет, с недоумением читал я в нынешней «левой» и «центристской» прессе статьи, превозносящие Сталина и поносящие Хрущева так, как если бы авторы и редакторы ничего не слышали о возобновившихся сразу после войны репрессиях — «Ленинградском деле», «Деле врачей», «Менгрельском деле», об арестах помимо массовых «дел» в целях пополнения ГУЛАГа... Молодым и задорным авторам таких статей, надо полагать, не довелось полвека назад видеть возвращавшихся из ГУЛАГа... Речь ведь идет о сотнях тысяч бывших «зек», а не только о А.И. Солженицыне.

Но неосведомленностью не объяснить славословия Сталину и всей его деятельности в книге В.В. Карпова «Генералиссимус» (М. 2003). Автор, Герой Советского Союза, был удостоен этого звания во время Великой Отечественной войны. Однако никакое звание не может оправдать автора, публикующего прямую ложь, не останавливающегося перед фальсификацией документов. В данном случае речь идет не о том, чтобы исправить просталинскую позицию автора.

Бессмысленно объяснять ему неправомерность использования им в его целях признаний подсудимых на судебных процессах 30-х годов, точно так же, как и впечатлений журналистов, слышавших эти признания. Действительное происхождение признательных показаний на сталинских процессах давно выяснено. Нужно потерять остатки совести, чтобы умалчивать о пытках, служивших способом добывания нужных сталинскому руководству признаний.

Но нельзя пройти мимо представленных в его книге данных о «фактических» итогах массовых репрессий и их специфической интерпретации. Карпов приводит справку о численности репрессированных за 1919—1930 гг. и за 1930—1940 гг., якобы составленную в ОГПУ для Сталина. Для исследователей, работающих над документами подобного типа, уже сама по себе форма этого «документа» обнаруживает его фальшь. Тем не менее я обратился к руководству Центрального архива ФСБ России с просьбой выяснить, нет ли чего-либо подобного в делах с документами типа справок, представленных руководством НКВД руководству ЦК ВКП(б) и лично Сталину за 1939—1940 годы. 8 мая 2003 г. я получил официальный ответ, в котором сообщается, что проведенной проверкой «Справка народною комиссара внутренних дел Л. Берии товарищу Сталину о применении органами НКВД СССР репрессий за период с 1919 по 1940 г.» не выявлена. И «оформление указанной справки», и ее содержание приводят к заключению, что «документ, опубликованный в книге «Генералиссимус», является сфальсифицированным».

Главное же и неопровержимое доказательство фальшивости приведенной в «Генералиссимусе» справки — ее содержание. Здесь нет ни одной цифры, отражающей действительность. Мы ограничимся оценкой основных показателей, относящихся к 1930—1940 гг.: «...осуждено врагов народа... по ст. 58 УК РСФСР по приговорам судов 1 300 949 чел. Из них расстреляно 892 985 чел... В том числе... бывшие ленинские партийные лидеры, вставшие на путь контрреволюции: осуждено — 937110 чел. Расстреляно 686 271 чел... Из всех осужденных врагов народа — 90% лица еврейской национальности» [9, 148-149].

Чтобы оценить смысл всей предпринятой Карповым фальсификации, приведем вывод, сформулированный им «завершая исследования о причинах возникновения и проведения массовых репрессий»:

«Сталин помнил о десятках тысяч сионистов из Еврейской коммунистической партии, принятых против его воли в ВКП(б). Очень большую силу имели эти сионисты, слившиеся с оппортунистами всех мастей, во главе с Троцким они занимали высокие посты в НКВД, прокуратуре, судах, лагерях и партийных органах. Сталин помнил многих по именам (да и списки сохранились). Всегда помнил он и их черные дела, когда решения партии доводились до абсурда и компрометировались добрые начинания истинных большевиков. Сталин все помнил. И они за все заплатили» [9, 147].

Табл. 1.
Национальный состав арестованных за время с 1 января 1936 г. по 1 июля 1938 года

Национальные группы	Общее число арестованных	Удельный вес группы
Русские	657 799	46,30%
Украинцы	189 410	13,30%
Поляки	105 485	7,40%
Немцы	75 331	5,30%
Белорусы	58 702	4,10%
Евреи	30 542	2,10%
Узбеки	21880	1,50%
Латыши	21 392	1,40%
Татары	18 681	1,30%
Казахи	17 496	1,20%
Армяне	16 988	1,20%
Грузины	16 488	1,20%
Иранцы	14 994	1,10%
Азербайджанцы	13 356	0,90%
Эстонцы	11 002	0,80%
Финны	10 678	0,70%
Китайцы	8538	0,60%
Буряты	7845	0,50%
Таджики	7628	0,50%
Греки	6565	0,40%
Корейцы	5161	0,30%
Башкиры	3996	0,30%
Карелы	3676	0,20%
Киргизы	3204	0,20%
Румыны	2989	0,20%
Литовцы	2818	0,20%
Афганцы	2091	0,10%
Японцы	236	0,01%
Другие	75 284	5,30%
Всего	1 420 711	100,00%

Оценить и цифры, указанные Карповым, и его трактовку репрессий поможет «Сводка Первого специального отдела НКВД о количестве арестованных и осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г.» [10], то есть в апогей

сталинского террора. Из названного официального документа в приводимой таблице содержатся данные о численности национальных групп (удельный вес групп в процентах рассчитан мной (см. табл. 1)).

Репрессировались люди разных профессий, в значительной мере горожане, часто иностранные подданные, хотя деревенские жители и в это время составляли половину попавших в жернова террора (699 929 человек только по приказу № 00447). Что же касается предшествующего времени, то основной и абсолютно преобладавшей по численности (90% и более) жертвой сталинского террора было население деревни — русские, украинцы, белорусы, казахи, татары, башкиры, узбеки и другие этнические группы, представленные в составе репрессированных едва ли не в точном соответствии с этническим составом населения страны. Данные Карпова, к сожалению, реально не отражают ничего, кроме его антисемитизма.

Те, кто был расстрелян или погублен в лагерях, представляли собой наиболее трудоспособную и наиболее социально активную часть населения. Погибали люди с самостоятельным пониманием происшедшего и стремлением это открыто высказать, способные оказать сопротивление несправедливости и насилию. Огромные человеческие потери в 1941—1942 гг. были во многом следствием потерь 1937—1938 годов.

Созданная под флагом ускоренного решения проблем модернизации экономики командно-репрессивная система управления превратилась в тормоз социально-экономического и культурного развития страны в целом. С особой силой это проявилось в условиях научно-технической революции и перехода в информационную эпоху, когда потребовалось найти действительно новые решения экономических и общественных проблем и устранить консервативный по своей сущности идеологический контроль. Пониманием сложившейся ситуации объяснялись широкое восприятие и активная поддержка обществом первых девизов горбачевской «перестройки». Для основной массы советского населения речь шла о замене репрессивной («административно-командной») системы управления отношениями демократии.

1. Сталин И.В. Сочинения. — Т. 5. — М., 1947.
2. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД, 1918—1939: Док. и м-лы. — Т. 2. — М., 2000.
3. Трагедия советской деревни: Док. и м-лы. — Т. 1. — М., 1999.
4. Шестнадцатая конференция ВКП(б): Стенограф. отчет. — М., 1962.
5. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. — М., 1989.
6. // Горизонт. — 1988. — № 5.
7. Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner People's Commissar Nikolai Ezhov. 1895—1940. — Stanford, 2002.
8. // Вопросы истории. — 2003. — № 10.
9. Карпов В.В. Генералиссимус. — Кн. 1. — М., 2003.
10. Центральный архив Федеральной Службы Безопасности РФ. — Ф. 3. — Оп. 5. — Д. 572.